

СОЗВЕЗДИЕ МИРОВ

Сборник рассказов
по песням
музыкальной группы «Ясвена»

Ольга Вайнер
Созвездие миров. Сборник
рассказов по песням
музыкальной группы «Ясвена»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36304452
ISBN 9785449325907

Аннотация

В сборнике представлены литературные произведения слушателей музыкальной группы «Ясвена», созданные в рамках конкурса сонгфиков. Сонгфик – проза или стихотворение по мотивам песни. Все стихи и рассказы представленные в книге являются сонгфиками по песням группы «Ясвена».

Содержание

Оловянный солдат	5
Волшебник пыльных дорог	7
Ничей	9
Несопряжение	12
Чарующая сила	15
Джейн из Вирту	18
Трубадур	23
Не забуду. Не могу забыть. Часть 1	25
Грань	27
Клетка	29
Ясва	31
На твоём пути	42
Озеро	47
Не забуду	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Созвездие миров
Сборник рассказов
по песням музыкальной
группы «Ясвена»**

Иллюстратор Ольга Вайнер

Редактор Ольга Вайнер

© Ольга Вайнер, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-2590-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оловянный солдат

Сосредоточенный взгляд твоих серых глаз направлен туда, где только что была Луна, которую сменило Солнце, за-слонённое облаком, настолько плотным и лёгким, что на эту звезду можно спокойно смотреть, лишь слегка прищурься. Что сказать – ты всегда больше любил лето: тёмно-русые волосы не надо было прятать. Скрытность – твой конёк, тёмные тона и слабый рельеф сильных мышц только подтверждали это, а стремление к свободе – босые ноги. Высокий лоб, несколько крупноватый нос и полные губы придают тебе шарм, который ты хочешь скрывать и прятать среди толпы. Да, у тебя есть друзья, но лишь на некоторых можно положиться. Ты похож на чай шу пуэр: такой же сильный в плане энергии и такой же тёмный внешне, а в твёрдости не уступаешь алмазу. Но тебя разрушает холод людских сердец – настолько ты раним, несмотря на внешнюю жёсткость, может, и немного жестокость. Умеешь любить по-волчьи – навсегда и крепко.

Ты был рождён в серебре, отлит в олове, а выброшен на снег словно кукла из соломы. Всё, что в тебе осталось, – лёд, но иногда кажется, что в венах льётся не лик холода, а его младшая сестра – кипящая вода, ведь именно изо льда родился этот белый мир. Осознавая то, что подобных тебе

множество из единиц, и то, что срок твоей жизни – жалкий час, ты берёшь в руки спечённые воедино стальные и звёздные нити, обретшие форму клинка с именем Хельга, и идёшь вперёд, в пургу из людских страстей и отражений в витринах, дабы сделать хоть что-то для этой вселенной. Но тебя никто не слушает, считают тебя больным, или того хуже – романтиком. А что остаётся тогда – пламень Луны, бледный настолько, что его почти нет, и оловянная пыль с твоих губ, лба, глаз? Что же остаётся?!

А остаёшься только ты, ведь ты должен быть объектом подражания, а не героем жизни, чтобы в твою честь называли оружие и парусники. Но смешон тот факт, что ты ещё и сам должен найти цель.

Времена меняются, как меняется скорость секунды твоей жизни. Вот ты уже отрастил волосы до плеч, сменил жаркий шерстяной плащ и кольчугу на хлопковую футболку без рукавов, а штаны из лосиной кожи – на свободные тёмные джинсы. Сапоги ни к чему – лето на дворе, а не зима, когда ты пробудился. Твои мышцы почти не потеряли силы, несмотря на то, что жить тебе осталось минуту, Оловянный солдат, да и лёд пропал почти. Только куда делась Хельга? Где её искать... И была ли она?

*Денис Матулкин,
песня «Оловянный солдат»*

Волшебник пыльных дорог

Рольф стоял на судейской бочке и спокойным, хорошо поставленным громким голосом заглушал крики обеих сторон. Агата не знала, о чём спорят купцы, ей до этого не было дела. Она сидела на краю повозки, болтала ногами в мягких сапожках и любовалась мужем: «Мой чародей, волшебник пыльных дорог, сколько мы их с тобой прошли?»

Они путешествовали уже давно, исколесили сотни дорог, бесчисленное количество километров, но она не скучала, не стремилась к другой жизни. У неё есть путеводная звезда, вон она стоит сейчас на бочке и сотворяет очередное чародейство: казалось, непримиримые противники притихли, слушают Рольфа и уже готовы идти на соглашение, которое предлагает случайно проезжающий мимо путешественник.

«Рольф, мой милый, мой родной Рольф, – думала Агата, – ты стал моей звездой с того самого первого момента, когда я тебя, раненого, без сознания, взяла на руки. С тех пор у меня есть смысл и полнота жизни, есть уверенность в завтрашнем дне. Вот я смотрю, как ты рисуешь на стене что-то для этих мужиков, мне всё равно, что там, я вижу человека, который снял камень с моей души, который показал мне, что такое полёт. Рольф, дорогой, ты открыл мне глаза на мир, с тобой я впервые по-настоящему увидела солнце.

Даже если тебя нет со мной, – мысленно обращалась Ага-

та к уверенному в своей правоте человеку, с властными нотками в голосе, – даже если ты далеко и чем-то занят, я знаю, что ты со мной, рядом, родной мой. Чародей, изменивший мою жизнь, свет закатного солнца, за которым хочется идти и идти вечно. Но при этом знаю, что, когда проснусь утром, ты будешь рядом, мой родной человек. Держа тебя за руку, ту самую, которой ты, Рольф, сейчас размахиваешь, читая какие-то нравственные наставления купцам, держа тебя за руку, я пойду куда угодно.

Знаешь, – Агата продолжала свой мысленный монолог, – я не боюсь тебя потерять. Мы уже прошли с тобой и засады разбойников, и снежные перевалы, где ветер сдувал нас вниз, и пустыни, где лошади падали от жажды, а ты их отпаивал своей водой. Я знаю, что мы пройдем и всё остальное, что ждёт нас впереди, нас не разделит течение лет. Но вот ты возвращаешься ко мне, сейчас будешь мой и только мой – уставший, голодный, но довольный, яркий, эмоциональный, наполненный своей волей и любимый. С глазами полными любви, когда смотришь на меня, вот как сейчас. Я смогу обнять тебя, поцеловать в высокий лоб, в висок, накормить... Как же я люблю тебя, Рольф Меркадер, принц Города, чародей моей жизни!»

*Константин Бенкен,
песня «Чародей»*

Ничей

Свемила сидела в баре уже второй час. Она откинулась на спинку стула и положила руку на высокий подоконник полуподвального окна. Напротив сидел Странник – напряжённо, привычно чуть сгорбившись, положив руки на стол, поигрывая стопкой с кальвадосом. Вот сколько можно ему объяснять, ведь вроде бы понимает.

– Что ты вечно ищешь? Себя?

– Не знаю. Или место для себя. Место жизни, дерево, плоды которого будут и моими, – отвечал Странник и смотрел куда-то вдаль.

– Опять ты говоришь загадками! – немного зло заметила Свемила.

Странник молчал, изучая содержимое прозрачной стопки. Понюхал, выпил, налил из графина ещё – хорош!

– Будешь? – Свемила кивнула.

– Пойми, я не могу так! Я хочу просыпаться утром и чувствовать тебя рядом... даже не так: просыпаясь, знать, рядом ты или нет. Я не хочу засыпать с тобой, а просыпаться одной просто потому, что тебе пришла в голову идея, и тебе нужно было её обдумать, вышагивая километр за километром по влажным набережным и туманным мостам.

– Я не могу по-другому, когда появляется такая мысль, невозможно её сдержать, просыпается необходимость вы-

пить где-нибудь на промозглом канале, необходимость плюнуть в вечность водной глади реки.

– Ты сам по себе, а я хочу, мне надо, чтобы ты стал моим, нельзя иначе, пойми. Ты любишь свободу, она для тебя всё, но так ты останешься ничей. Я знаю, что ты можешь всё, так останься, стань ключом от моих дверей, от закрытых сейчас дверей.

Он снова выпил и налил ещё приятно золотого ароматного кальвадоса. «Хоть что-то приятное», – подумал Странник. Ему хотелось выйти на улицу, чтобы там шёл дождь, поднять воротник повыше и пойти пинать листья в сквере около цирка или ещё где-нибудь.

– Дорога – мой дом...

– Вот и живи там, а не у меня! – Свемила выпила свою порцию залпом. – Пошли отсюда, хочу курить.

Они закурили от одной спички и не спеша двинулись по набережной привычным маршрутом. Повисшее молчание Страннику давалось легко, а Свемилу раздражало. Около спуска к воде она остановилась.

– Тебе придётся выбрать... хотя нет, я и так уже всё поняла. Мне нужен не тот, кто любит свободу. Мы долго писали нашу повесть вместе, но теперь по-разному относимся к тому, куда её вести. Я не готова идти твоим путём, мне далеки твои истины. Мы уже входили в эту реку один раз, больше не хочу, прости.

Странник затушил сигарету о парашют. Посмотрел вдаль

и замер.

– Я люблю тебя, – тихо сказал Странник, почти про себя, – но я понимаю тебя и ничего не хочу менять. Ты права, мне нужна свобода. Надеюсь, ещё увидимся, Свemiла... – последнее слово он выдавил из себя с трудом.

Не поворачиваясь к ней, он спустился к самой реке и пошёл вдоль воды. Свemiла смотрела ему вслед, спрятав руки в карманы пальто от неприятно холодного осеннего ветра.

– Странник... я люблю, но не могу тянуть дольше, годы идут и бьют всё сильнее...

*Константин Бенкен,
песня «Ничей»*

Несопряжение

Вино уже не помогает, надо что-то покрепче. Какая тоска, неземная тоска... Ну почему так получилось?.. Ольга в который раз включила телефон и посмотрела на открытую фотографию. Андрей улыбался ей с экрана своей небольшой понимающей улыбкой. Тоска... надо перейти на виски.

Почему всё так сложилось? Почему всё так... и развязка же близка. А ты так бел, Андрей... а я, видимо, черна как зола... Кажется, я уже слышу набат у виска, вижу тот момент, когда всё покатится вниз со всё увеличивающейся скоростью. Крах неминуем, мои поступки тянут меня вниз, хотя в этом нет моей вины. Почему же?!

Это следствие наших собственных дел. Не только моих, но и твоих, Андрей. Ты тоже приложил к этому руку. И не только руку, – грустно усмехнулась Ольга своему отражению в бокале. Но мы переступили черту, после которой дороги назад уже нет.

Он любил меня, до сих пор любит, я уверена, сильно любит, но как мало это значит для меня на самом деле, когда я люблю другого. Или не люблю, но... стремлюсь, притягиваюсь... то к одному, то к другому, но не к тебе, Андрей. Ты мне дорог, нас многое связывает, но не то, прости.

Если бы ты не только любил, но и ещё понимал меня, знал бы правила, по которым надо со мной играть, чтобы я...

устремилась. Но ты так и не смог этого сделать. Не понял или не сумел... ну почему!?

Ольга плеснула себе виски и тут же выпила. Подождала немного, чтобы мысли вернулись на место, и налила ещё. В голове становилось легко.

Тебе было сложно меня понять, согласна. Тебе нужно было всё чётко и однозначно, а оказалось такое запутанное «я», что мало кто его разберёт. Сама-то не слишком понимаю, не думаю, просто делаю что хочется, живу моментом. Ловлю осколки счастья, мгновения счастья – разве другое бывает? Ради чего ещё жить. Пусть потом будет всё плохо, пусть я дойду до самого дна... а ведь ты так и хотел, да, Андрей? Сам такой белый и чистый поднимаешься наверх и будешь смотреть на меня сверху вниз. И радоваться, что был прав (как всегда прав! чёрт бы тебя подрал!). Ты же хотел, чтобы я упала, чтобы признала, что грязна, порочна, глупа... Или нет, ты же любишь меня, да? До сих пор любишь и желаешь мне только добра, да? Да, Андрей? Как мне хочется в это верить! Хоть что-то светлое и чистое в моей жизни, небольшой якорь, тростинка, которая помогает держаться в... Надо ещё выпить, не могу больше!

Она снова посмотрела на портрет Андрея. Притяжение тел, но никакого сопряжения сфер. А ведь он хорош, но... Эх! Как бы хотелось, чтобы всё можно было бы исправить... Неземная тоска!

Ведь могло же получиться, могло быть хорошо, очень хо-

рошо, но немного не хватило чего-то... Я так и не поняла, Андрей, что ты хотел от меня? Какой меня ты хотел? Какая уже разница... Люблю ли я тебя, Андрей? Люблю ли я хоть кого-то?

Ольга опять посмотрела на фотографию. Слёзы капали и разбавляли чистый виски у неё в бокале.

*Константин Бенкен,
песня «Сопряжение сфер»*

Чарующая сила

С закрытыми глазами девушка с сопилкой стояла на краю берега горной реки и наигрывала любимую мелодию.

Она растворялась в этих звуках, которые шли из сердца, смешивались с воздухом и откликались в душе радостью.

В такие моменты она ощущала себя живой!

Неподалёку в чёрной мантии художник творил очередной шедевр, вдохновлённый звуками музыки, образами природы.

Так продолжалось уже продолжительное время.

Художник не осмеливался подойти к девушке. Но сегодня был особый день, карты Таро предсказывали приятную встречу, значит, всё должно получиться.

Девушка доиграла последнюю ноту и открыла глаза.

«Странно, всегда ли здесь рисует художник? Я раньше его не видела. Интересно, чем пропитались его холсты? Как он оценил мою игру?»

Она спустилась по каменистой дороге и подошла к художнику.

– Здравствуйте, можно посмотреть, что скрывают ваши полотна?

– День добрый, буду рад! Я признаться давно хотел с вами заговорить, но уходил всегда чуть раньше, чем заканчи-

валась прекрасная мелодия.

– Почему?

– Не хотел напугать, нарушить волшебство!

– Понимаю. Можно вопрос, почему вы в мантии?

– В ней я могу укрыться от мира и погрузиться в свои ощущения.

– Отличная идея, возьму на вооружение.

На холсте девушка разглядела себя.

– Очень реалистично получилось! Вы просто гений!

– Что вы! Я вечно собой недоволен, вот здесь можно было сделать объёмнее, здесь добавить тени и света. Но музыка закончилась, момент упущен.

– Снова хочется сказать «понимаю»!

– Это же просто здорово – встретить понимающего человека!

– Давайте договоримся, в следующий раз мы не будем прятаться друг от друга, я буду играть, а вы – рисовать! Кстати, в следующий раз я принесу скрипку!

– Было бы волшебно!

Так проходило Время... Их Время!

Однажды художник признался:

– Я давно понял, что мои картины имеют волшебную силу, я могу снимать негатив, с тех, кого рисую, только не смей-

ся!

Они уже не помнили, когда перешли порог «вы».

– Я это почувствовала... Кстати, и картины с моим изображением каждый раз становятся светлее, как и мелодии, которые хочется играть, послушай, что я сочинила ночью!

Она достала окарину, и свет мелодии наполнил пространство.

Художник взялся за кисть и сотворил очередной шедевр.

*Мария Ярославская,
песня «Чародей»*

Джейн из Вирту

С благодарностью Джейн Линдсколд

В эти утренние часы долина была прекрасна. Довольно высоко поднявшееся солнце только-только выходило из-за кряжа и лишь частично освещало насыщенную зелень долины. Стояла глубокая тишина, в которой на самом пределе слышались далёкие голоса птиц. Справа на скалах блестел снег.

Джейн стояла над самым обрывом и любовалась открывающимся видом в последний раз. Мир разрушался. Разрушался в прямом смысле – горы с другой стороны долины бесшумно дрогнули, покрылись сеткой трещин и начали разваливаться, проваливаясь в бездонную пропасть позади них.

Пусть этот мир не вечен, но я ничего не забуду, ни одной черточки. Уйду отсюда, и он останется со мной, я не потеряю его.

Она бросила прощальный взгляд на этот прекрасный мир и побежала по каменному карнизу прочь от долины. Её движения были выверены до миллиметра и предельно точны. Каждый раз нога совершенно точно выбирала неподвижную точку опоры, от которой можно было бы оттолкнуться всей силой. Джейн всегда выбирала единственно верный путь. Приятный, быстрый и упругий бег среди скал и расщелин,

когда чувствуешь силу всего тела, чувствуешь, как мир покоряется твоей воле и мускулам.

Точно так же уверенно, как перепрыгивала через глубокие трещины, Джейн прыгнула в пропасть... и полетела! Воздух свистел вокруг, а её белый плащ с кровавым подбоем играл роль руля. Она не падала, не планировала, а именно летела. Внизу уже виднелся портал в реальный мир, сверкающий холодным светом молний.

Я лечу! Как может взлетать только тот, кто любит всем сердцем, любит до конца! И как в продолжение этой мысли она увидела перед порталом Его. Он стоял в длинном светло-сером балахоне с капюшоном скрестив руки на груди и широко расставив ноги – создавалось ощущение скалы, выросшей на пути, так уверенно и твёрдо Он стоял. Руки сами потянулись к мечам за спиной. Джейн старалась не спускать с Него глаз, но так и не поняла, откуда у Него в руках появился длинный меч.

«Он высок, он жесток, он полночный маньяк», – подумала Джейн, мягко приземляясь на корточки. Несколько кошачьих прыжков, короткая пробежка – и она прямо перед порталом, но дорога перекрыта холодным металлом с серебристым блеском.

– Зачем ты здесь? Портал открыт для всех, ты мог свободно уйти. Я дала тебе свободу!

– Ты не вольна давать или забирать свободу, – из-под капюшона раздался бесцветный, безэмоциональный голос, го-

лос берсерка.

– Зачем? – Джейн не смогла сдержать ярость, и клинки с чистым звоном встретились.

Сторонний глаз вряд ли бы мог уследить за всеми деталями боя. Джейн фехтовала как никто, но этим Никто и был её противник. Как она ни пыталась теснить его, как ни бросалась на него с отвагой пантеры, защищающей детёнышей, Незнакомец стоял на месте и ни на шаг не дал ей приблизиться к порталу. Она пробовала различные финты, все приёмы, которые знала, но шло время, а эта скала в сером балахоне стояла как и прежде, казалось, ни чуточку не устала. И тут Джейн заметила, что Он не нападает, а только защищается. Джейн отступила на два шага и замерла с поднятыми мечами. Ни у одного из дуэлянтов не было ни царапинки.

– Зачем ты мешаешь мне пройти? Этот мир рухнет, волна Хаоса скоро дойдёт и досюда.

– У нас ещё есть немного времени, – он сделал упор на «у нас».

– У нас? – из Джейн сочилась язвительность. – Нет никакого «нас»! Мы шли одним путём, одной колеёй, но в разные концы этого мира. Мы молча разошлись – и всё, точка, конец.

– Нет, – спокойно и, казалось, холодно ответил Незнакомец. – Мы сталкиваемся каждый раз, я возвращаюсь к тебе, и этого тебе не изменить. Это закон природы. Шли дни и превращались в года, они проверяли наши тела и чувства

на прочность. По твоей ярости, с которой ты напала на меня, видно, что то и другое у тебя прошло проверку временем.

Джейн бессильно опустила мечи. Ей всегда было трудно сопротивляться влиянию Незнакомца.

* * *

Они гордо, как повелители, стояли на вершине и смотрели на рушащиеся скалы практически у себя под ногами. Камни ломались как солома, падали вниз и открывали взору пестроту первозданного Хаоса, охватывающую весь горизонт – всё пространство перед ними. В памяти Джейн тянулась вереница людей, которых она встречала в этом мире: у каждого своя история, свои следы на душе от потерь, от каждого она получила свой урок.

– Мы больше не из них, не жители этого мира. Пора!

– Теперь мы вместе, нас теперь не разобьёт даже крушение мира.

Он отряхнул землю и травинки с плаща Джейн. Резкое движение, прыжок через расщелину и энергичный, радостный бег. Быстрый бег под флагом развевающегося белого плаща с кровавым подбоем и серого балахона. Бег двух молодых серн, полных жизни и умеющих радоваться. Не добежав до портала пяти шагов, они синхронно остановились и замерли. Взявшись за руки, они неторопливо шагнули в портал. Спокойно шагнули в последнюю дверь, нераздель-

НО вдвоём, как когда-то... и теперь навсегда.

*Константин Бенкен,
песня «Не забуду»*

Трубадур

По вечной мерзлоте шагает строй. Шинели рваные солдаты поправляют. Давным-давно забыв о том, зачем и где – им путь вперёд, куда? Никто не знает.

Их меньше с каждым днём, все меньше в каждом друге друга, и лишь винтовка, сжатая в руках, тебе опора и подруга.

А выюга тяжелит мой шаг, а грязь мне сапоги поганит – и в дождь, и в зной, и по грязи, да по песку шагает строй, неся извечный, столь пустой, но важный, лишний для них – тот ритуал, что жертвою зовётся.

Скажи мне, друг, что стоит человечность? Что стоит жизнь бредущего вперёд тебя такого же солдата? Прикрой лицо шарфом, сожми покрепче зубы, он не дойдёт, твой крест лишь твой, и каждый в этом строе давным-давно мертвец.

Истерзанные флаги выются, и барабанщик бьёт в изорванный свой барабан. Отчаяние? Слепая вера. Слепая вера с кровью на руках, слезами глаз, смотрящих вдаль в надежде обрести спасенье. И кто-то для себя, другой же ради братьев, тех, что все ещё людьми зовут себя.

Но те не замечают всех стараний, как призраки, они не ви-

дят строй. Смеются среди мерзлот, им весело, они не замечают выюги. И павший наземь оловянный испустит дух, его оружие возьмёт салага-барабанщик.

Так день за днём, теряя цель и смысл. Так забывая то, кто ты и зачем. Поправь шинель, расправь свой флаг, да нацепи винтовку – стеречь покой есть жертва, со смертью лишь окончится твой вечный караул.

Что есть история эта? О героях? Выживших? Действительно ли, солдатах?

Нет. Ведь брат от брата, каждый здесь – солдат. Ты – человек. Сражаясь за себя, за многих, дано одно лишь выбрать – за что тебе сегодня умирать?

Ты сделай выбор, да поправь фуражку. Улыбнись. Когда останешься один – тогда познаешь выюгу.

*Антон Роцин,
песня «Трубадур»*

Не забуду. Не могу забыть. Часть 1

Так устроена жизнь. Она не проходит бесследно. Дни не летят мимо, каждый день проходит, оставляя шрамы, через годы – на шкуре рубцы. И если ты – нечто живое, то у тебя есть шкура из кожи, а если ещё и разумное – у тебя есть шкура на психологическом теле из воспоминаний, то, что, быть может, ты называешь опытом. Ты уже никогда не будешь похож на себя двадцатилетнего. Какие-то двери закроются навсегда.

Знаете, как завершилась история каждого из могущественных и прекрасных титанов, которых когда-то все очень любили? Все их линии заканчивались одинаково: чудовищами, истерзанными мучениками, демонами, жуткими порождениями. Но жуткими и пугающими лишь с точки зрения тех, кто только пришёл в этот мир, чья шкура ещё не получила ран, но не друг для друга... Горгона оставалась любимой для своих сестёр до самого последнего часа. Пронзённый мечом в свой час роковой Фафнир без злобы Сигурда нарекает юнцом. Ладон, так же известный как змей, стерегущий сад, где растут необычные яблони, остался лучшим другом Атланту. Грайи потеряли красоту и зрение, но остались вместе. Да, это всего лишь метафоры. Время течёт. Время меняет. И всё, чего коснулось время, выглядит непонятным и оттого пугающим для тех, к кому оно ещё не прикоснулось.

Обе оболочки стареют. Ты можешь мечтать о чём угодно, но ни один твой успех ничего не может противопоставить механизмам природы.

Какой-то вывод общий для всех? Нет, и быть такого не могло. Сколько ни говори, что-то останется недосказанным. Этот текст об иллюзиях относительно аспектов жизни, предложение себе взглянуть на мир без призмы ожиданий того, каким всё будет.

*Константин Копанев,
песня «Не забуду»*

Грань

*Мы так любить обещаем,
Как никогда не сумеем,
Но и на грани отчаянья
Я всё равно тебе верю...
Гр. «Ясвена»*

Это был лишь дурной сон, очередной сон, навеянный болезненной бессонницей, когда засыпаешь с первым криком будильника.

Затем снова мир людей поглощает своим будничным, жадным ртом.

Нужности, существование в формате 3D:

- должна,
- делай,
- дай.

Где взять силы перелистнуть очередной календарный день, который исписан делами, вопросами?

Но готова ли она потерять то, что имеет?

Об этом заставила задуматься песня группы «Ясвена», случайно услышанная в ленте у друзей:

Мы ничего не теряем,
Ведь ничего не имеем...

Песня уже который час играла в наушниках, странно, она забыла это удовольствие от прослушивания музыки, откуда-то взялись силы сделать скучные дела, навязанности, обязанности и даже получить удовольствие от процесса самой жизни.

Гранью к себе счастливой стала **песня!**

А там, «на грани отчаянья», она поняла, что самое важное в её жизни есть: кому верить!

Всё остальное лишь последствие бессонницы, дорога испытаний, которую нужно пройти. И поблагодарить Высшие Силы за ещё один прожитый день, где Душа ещё жива, а тело может вздохнуть!

*Мария Ярославская,
песня «Мы ничего не теряем»*

Клетка

В каменном тёмном дворце мне вовсе не было холодно, несмотря на отсутствие обуви, да и довольно лёгкую одежду. Ведь это так просто – парить на расстоянии ладони от пола. Так, я думаю, вполне успею на твоё жертвоприношение. Массивные двери с грохотом распахиваются за секунду до прикосновения и отвлекают на себя внимание собравшейся толпы и участников ритуала, что даёт мне время выдернуть тебя за руку прямо из рук ошеломлённого вампира, который уже нацелился укусить твоё горло.

Мы уже бежим по коридорам, сворачивая туда, откуда доносится меньше звуков. Увы, вниз путь заказан – там столько охраны, что мне тебя не провести. Остаётся надеяться лишь на чудо. Вот мы и на крыше. Ноги отрываются от черепицы, и вот уже совсем не страшно, что нас могут поймать. Почему ты всё ещё стоишь на краю?

– Полетели! Ты умеешь, ты можешь! Они нас не догонят!

– Зачем делать шаг назад?

– Нет. Я им нужна. И я не могу так... – Стук растягивающейся от ударов железной двери напоминает звук погребального колокола. Я не могу улететь без тебя.

Глаза открываются сами собой. Белый потолок, мягкое пушистое одеяло. Всё как обычно. Это лишь сон. Почему ты никогда меня не слышишь? Почему ни разу я так и не могу

тебя спасти? Но самый главный вопрос кроется куда глубже: почему я никак не могу оставить тебя в покое? Почему раз за разом подсознание подсовывает миры, где я должна отпустить и жить своей жизнью? Две ведьмы, сгоревшие на костре: ты осмелилась полюбить инквизитора, русалки, попавшие в сети, но всё же вытащившие запутавшегося дельфинёнка, принцессы, отданные по расчёту, покорно принимающие долг перед родителями... Каждый раз кажется последним, кажется, что в следующий – я точно уйду.

Тюрьмы бывают разные. В том числе и золотые, как когда мы были феями и были заперты в крошечных фонариках. Можно же было легко сбежать, только ты бы не отняла у детей ощущение волшебства и исполнения желаний при прикосновении к одному из украшений на главной городской статуе.

Я помню каждый из снов и часто думаю: почему не могу уйти я. Каждый бьётся в своей клетке. Моя клетка – ты. И в этой клетке есть всё на свете.

*Злата Царёва,
песня «Клетка»*

Ясва

Февраль медленно шёл по сухому, казавшемуся бледно-розовым в лучах заходящего солнца снегу. Взгляд его, рассеянный и безжизненный, равнодушно скользил по бескрайней, идеально гладкой равнине, терявшейся где-то далеко за горизонтом, а бледные губы непрестанно шевелились, беззвучно повторяя какие-то слова. Это были его последние слова, обращённые к этому миру – некое подобие завершающего ритуала, служившего окончанием Зимы. Произнося их, он постепенно избавлял землю от снежных буранов, пронзительных ветров и сухого морозного воздуха. После этих слов лёд на реках начинал незаметно для человеческого глаза таять, а снег оседать, теряя свой былой блеск. После этих слов власть последнего месяца самого сурового времени года начинала медленно уходить, перетекая к его младшему брату – Марту. Сожалел ли об этом сам Февраль? Сложно было сказать. Ему нравилось править в этом мире, нравилось чувствовать себя повелителем природы, но вместе с тем он прекрасно осознавал, что рано или поздно всему приходит конец. Ведь если не будет конца, то не будет и начала. Младший сын Зимы давно уже понял и смирился с тем, что в мире правят не просто времена года – в мире правит гармония. И если её нарушить, то может случиться непоправимое. Именно поэтому он и шептал сейчас заветные слова,

добровольно отдавая свою власть брату...

Вокруг, насколько хватало взгляду, простиралась огромная заснеженная пустыня – бесконечная и безбрежная. Февраль любил эту простую белоснежную красоту – он вообще любил открытое, ничем не ограниченное пространство. А ещё он, пожалуй, любил эту равнину за то, что она была безжизненна. Ни разу на его памяти сюда не ступала нога человека или зверя, и даже птицы не парили в этих суровых свинцово-серых небесах. Почему? Он не знал ответа на этот вопрос, хотя среди людей ходили слухи, что снег в этих краях не тает даже с наступлением Весны. Поговаривали, что дух Зимы сохраняется здесь круглый год, и даже самое жаркое летнее солнце не способно растопить его. А всё живое в этом мире боялось Зимы. Животные, погибающие в сильные морозы, деревья с потрескавшейся корой, люди... Люди хоть и были самыми приспособленными к холодам существами, всё равно продолжали ненавидеть это время года. Ведь оно лишало их комфортной жизни и нередко заставляло приложить немалые силы для того, чтобы выжить в непогоду. Они проклинали Февраль и двух его родных братьев – Январь и Декабрь, говоря, что они приносят лишь холод и смерть. Они хотели счастливой спокойной жизни вдали от проблем. Глупцы! Люди никогда не понимали, что без Зимы нарушится хрупкая гармония в мире. Ведь несмотря на суровость этого времени года, оно давало природе воз-

возможность отдохнуть от цветения, от суеты... от жизни. Зимой всё живое засыпало, пусть и не всё потом просыпалось вновь. Но это было необходимо для поддержания гармонии, для поддержания постоянства и неизменности... Бесполезно было объяснять это кому-либо. Февраль уже давно смирился с тем, что не всем было по душе его правление. Он просто принял как должное то, что люди, да и не только они, ненавидят его, и отвечал им тем же. Сама суть самого сурового месяца в году подразумевала жёсткость, а порой и жестокость, и Февраль полностью оправдывал её. Он не любил всё живое, отвернувшееся от него, и старался не сталкиваться ни с людьми, ни со зверями, ни с другими существами. Он просто выполнял свою клятву, данную матери, братьям и богам. Он просто хотел спокойной жизни вдали от этой бесконечной суеты...

Февраль шёл очень быстро, под его ступнями мелькал снег, от скорости сливающийся в одну белую полосу, а на горизонте уже смутно замаячили тёмные силуэты высоких гор. Они возвышались посреди этой безжизненной пустыни, как островки в центре бескрайнего океана. Три серые заострённые скалы, выступающие из земли, словно острые клыки дикого зверя. Именно к ним-то и стремился Февраль, шепчущий свои последние указания природе. Это уже стало у него традицией – в последний день Зимы пересекать эту заснеженную равнину, доходить до высоких гор, издалека

кажущихся непреступными каменными глыбами, взбираться на вершину самой высокой из них и долго стоять на ней, с высоты птичьего полёта обозревая великолепие зимней пустыни. Там он дождался прихода Марта и, передавая ему власть, уходил в Безвременье.

Но сегодня что-то было не так. Дойдя до скал, Февраль заметил у их подножия рваные кровавые следы, явно принадлежавшие человеку. Они тянулись откуда-то с востока – насколько он помнил, в той стороне находилось одно из небольших людских поселений. Но раньше никто из жителей не осмеливался подходить к **его** скалам. Да и само это поселение располагалось не менее чем в пятидесяти милях отсюда. Кто мог проделать такой путь просто ради... ради чего, собственно?..

Февраль подошёл ближе и взгляделся в отпечатки узких сапог с неровными краями. Создавалось ощущение, что человек не шёл, а скорее волочился по снегу. И, судя по количеству крови, он был серьёзно ранен. Следы были маленькими, почти детскими. Проследив за их направлением, Февраль понял, что человек забрался на самую высокую скалу из трёх – на **его** скалу. Только одного не мог он понять: с какой целью это было сделано? Тем более что подняться на вершину такой горы обычным смертным было практически невозможно – камень, обтёсанный за тысячи лет поры-

вистыми ветрами и покрытый толстой коркой льда, был идеально гладким, без единого выступа или трещины...

Кровь казалась совсем свежей, не успевшей впитаться в снег. Вероятно, тот, кто её оставил, был ещё жив, хотя Февраль и не мог быть уверенным в этом на сто процентов. Он уже начал сомневаться даже в том, что это был человек. Слишком уж необычными казались обстоятельства...

Ещё раз оглядевшись по сторонам, Февраль прошептал несколько слов и в тот же миг растаял в прозрачном морозном воздухе, растворившись в нём и став его частью. Обычно, когда он был уверен, что его никто не видит, то принимал человеческий облик – тот, в котором его создали древние боги, наказав подчиняться им и хранить гармонию природы. Но Февраль никогда не показывал своего настоящего лица людям или другим существам, способным мыслить. Он считал, что для них будет лучше, если он останется неодушевлённым хранителем зимы. Так было... проще, хотя он и знал, что некоторые из его братьев считали иначе.

Ветер взмыл высоко над скалой и, снизившись, опустился на её вершину, всколыхнув облачко снежной пыли. С его предыдущего прихода ровно год назад здесь почти ничего не изменилось. Такая же небольшая площадка, укрытая белым покрывалом. Холодная и безжизненная. Сюда из внешнего мира не долетали ни звуки, ни запахи. Пустота. Белиз-

на. Спокойствие.

Но сегодня что-то всё же изменилось. Февраль был не один. Рядом с ним, почти на самом краю скалы, стояла девушка. Маленькая, похожая на фарфоровую статуэтку девушка с огненно-рыжими волосами, одетая лишь в оборванное серое платье и поношенные сапоги. А из спины у неё, прямо из-под лопаток выступали два огромных крыла, когда-то, вероятно, снежно-белых, но теперь приобретших серовато-красноватый оттенок. Они были оборваны и покрыты коркой запёкшейся крови, кое-где ещё струившейся из ран в спине и маленькими ручейками стекавшей на снег.

Порыв ветра облетел маленькую фигурку девушки, и Февраль увидел её лицо – бледное, покрытое кровью и грязью. Казалось, на нём были лишь две живые точки – глаза. Яркие огненные глаза сияли в лучах заходящего солнца, отражая его пламя. И в этих золотых глазах плескалась боль, смешанная с отчаянием. Девушка была не просто человеком – она, казалось, являла собой высшее одухотворённое существо.

Последний месяц Зимы никогда прежде не вникал в проблемы живых. Он вообще старался не сталкиваться с ними, считая, что подобные мелочи его не касаются. Но сегодняшний случай, пожалуй, стал исключением. Эта девушка и причина, по которой она оказалась здесь, казались ему не слу-

чайными. В самом её существе – погибающем и отчаявшемся – была странная, обращённая ко всему миру мольба. Мир не услышал её, но зато услышал он. И он откуда-то знал, что не сможет остаться к ней равнодушным. Февраль в первый раз за тысячи лет воспользовался своим даром, данным ему древними богами, – способностью проникать в души и считывать их как раскрытые книги. Ветер подлетел совсем близко к девушке, всколыхнув её огненно-рыжие волосы, испачканные в крови. Он сосредоточился, внимательно глядя в яркие золотые глаза. И он увидел то, что хотел увидеть...

Её имя на древнем языке означало «Ветер». Она никогда не знала этого, как не знала и самого древнего языка, но зато помнила другое его толкование, данное цыганскими племенами, – «Слеза». Однако старинная трактовка всё же оказалась сильнее. Рождённая в середине Весны, Ясва всегда стремилась в небо. Будучи ребёнком, она часто задавала вопросы: почему люди не могут летать? Почему Бог не дал им крыльев, как дал их птицам? Ведь люди были более совершенными созданиями и тем не менее оставались прикованными к земле, тогда как птицы свободно парили в небе. Почему Создатель поступил так несправедливо?

Ясва искала ответы на эти вопросы, начиная с самого детства. А когда настало время её совершеннолетия, девушка сбежала из родного дома, не взяв с собой ничего, кроме ма-

ленького оберега древних богов – пятиконечной звезды, заключённой в круг. Пешком она добралась до заброшенного храма, посвящённого Первым Создателям Мира, от которых люди отвернулись уже много лет назад, и стала просить творцов о милости – подарить человеку то, что навсегда развяжало бы путы, сковавшие его тело и душу, – крылья. И пусть остальные люди не разделяли её убеждений, пусть все они считали Ясву сумасшедшей и уже давно не верили в Создателей Мира, ей было всё равно. Она считала, что, увидев небо так близко, как никогда раньше не видели, они изменились бы и утратили свои предрассудки. Они бы стали другими, более чистыми. Они бы поверили...

Но светлые боги не вняли молитвам девушки, зная, чем грозит людям эта «опасная игрушка». И тогда Ясва, ослеплённая своей мечтой, обратилась к другим богам – богам Тьмы. Глухой ночью встала она посреди леса, считавшегося проклятым, и воззвала к ним, моля о крыльях, подаривших бы людям надежду на исцеление их больных, заблудших во мраке душ. Ей было уже всё равно, кого просить, она ослепла от света своего горячего желания. И один из богов Тьмы откликнулся на зов. Зная о слабостях людей, он, смеясь, подарил ей белоснежные крылья, сказав, что даст такие же всякому, кто пойдёт за ней. Но если Ясва не сумеет убедить остальных принять дар, то горько расплатится за это. И девушка согласилась.

На своих сверкающих крыльях она вернулась в родной дом, будучи уверенной, что люди, наконец, обретут способность летать. Но они, давно уже оставившие своих старых богов и живущие во тьме своего незнания, отвергли предложение, посчитав, что её крылья – это проклятье, а не благословение. Они хотели сжечь её, назвав ведьмой, но девушке удалось сбежать. Однако везде, в каком бы селении не появлялась Ясва, толпа забивала её камнями и изгоняла прочь, опасаясь накликать беду на свои деревни. Так проходил год за годом – девушка не знала места, куда могла бы пойти. Подарок тёмного Бога действительно оказался для неё проклятьем.

Она потеряла всё – дом, родных и своего возлюбленного, от которого после двух месяцев скитаний родила ребёнка. Она потеряла и своего четырёхлетнего ребёнка. Это случилось сегодня утром. Люди, в чью деревню она прилетела вместе с дочерью, поймали её, отняли малышку и, посчитав ребёнка порождением Тьмы, убили. Они хотели убить и Ясву, они хотели вырвать её «проклятые» крылья, но она, израненная и убитая горем, сумела вырваться и сбежать. Сбежать только затем, понял Февраль, чтобы погибнуть, бросившись со скалы. Потеряв всё и осознав, что люди не способны летать только потому, что прогнили до основания, и их уже не спасти, Ясва сдалась и теперь собиралась заплатить за свою ошибку страшную цену – жизнь.

Февраль отвернулся от девушки, разорвав зрительный контакт, и вновь переместился ей за спину. Глупая. Она сама накликала на себя кару богов, и она сама была повинна в своих страданиях. Она должна была понять раньше, что у неё не выйдет изменить людей. Она должна была предвидеть такой исход. И его это больше ни касалось. Февраль столкнулся не с высшим существом, а всего лишь с очередной человеческой глупостью, не более...

Его мысли прервал тихий шорох – Ясва, раскинув руки в стороны, бросилась с оледеневшей площадки вниз. Она падала совершенно беззвучно, уже смирившись с поражением. Она не боялась смерти – он прочёл это в её душе. Она вообще мало чего боялась.

Февраль вновь принял человеческий облик и сделал шаг к краю скалы, наблюдая за падением девушки. Ясва прижала сломанные крылья к телу, её рыжие волосы развевались на ветру, а руки по-прежнему оставались широко раскинутыми. На лице девушки застыла горькая усмешка. В последний момент она увидела его – стоящую на вершине скалы фигуру, облачённую в белоснежные одеяния. Что она подумала? Может, увидела в нём Бога? Их глаза на мгновение встретились. Ледяные и огненные. И внезапно, неожиданно для самого себя, Февраль вытянул вперёд руку, описав ки-

стью плавное движение. Он не знал, что подтолкнуло его сделать это. Казалось, что огненный взгляд девушки на мгновение прорвал его ледяную защиту...

Солнце уже почти скрылось за горизонтом, и его последний луч выхватил из темноты силуэт маленькой белоснежной птицы, взмывшей высоко в небо. Она описала над скалой два круга, а затем полетела на юго-запад – туда, где, по словам стариков, находился океан. Увидеть океан – это была вторая детская мечта Ясвы.

*Светлана Сафроненкова,
песня «Летать»*

На твоём пути

Я расту травой на твоём пути. Расту, пробиваясь сквозь асфальт непонимания, ледяную корку недоверия, вязкий тёмно-серый туман собственного несоответствия, преодолевая мертвенный холод страха, иссушающий жар вины и стыда, свирепо-разрушительный ветер направленной на саму себя злости. Расту из самой грязной, самой ужасной земли, какую только можно себе представить: устрашающе чёрной, дурно пахнущей, состоящей из гнили, дерьма, сажи, склизких червей и прочей мерзости. Я протягиваю свои тонкие слабые побеги к тебе, словно к солнцу, и ты согреваешь меня своим золотистым сиянием, наполняя жалкое существование неприметного растеньица неким особым смыслом, который без тебя был бы не просто невозможен, но даже попросту невообразим! Согреваешь абсолютно бескорыстно, вновь и вновь напоминая, что я ничего не должна тебе за это тепло. Твой свет – он не для меня и не для кого другого, ты просто такова от природы, сияешь для себя, освещая путь всем, кому посчастливилось оказаться рядом. Ты и мне говоришь, чтобы я служила себе, любила себя, не тебя, но это единственное, что я никогда не буду готова ради тебя сделать.

Моя надежда, моя жизнь, моё ясное солнышко, у меня

никогда, никогда ни к кому не было столько робкой, волнующей нежности, бьющейся раненой птицей где-то глубоко, у самых корней, столько трепетного, осторожного уважения, дрожащего чистыми росинками на каждом моём бледно-зелёном листочке, вот-вот рискующем сорваться с родного стебля в грязную лужу, столько огромного, всеобъемлющего восторга, яркими фейерверками взрывающегося надо мной при каждом твоём успехе, столько глубокой, поистине сакральной благодарности за каждое сказанное или написанное тобой слово, за твой глубокий, живой, притягательный голос, за твой ёмкий, ошеломительно точный стиль текста, за твою искреннюю улыбку, за внимательный взгляд твоих необыкновенных зелёных глаз из призрачного зазеркалья виртуальной реальности, за твою красоту, за твою мудрость, за терпение, за веру в меня, за то, что ты не теряешь надежды, что я всё-таки вырасту и стану могучим ветвистым деревом, способным укрыть в своей тени усталого путника, даже тогда, когда я печально жду возможности засохнуть, так и не став ничем значительнее прожорливого, но бесполезного ростка.

Мне никогда, никогда, так безнадёжно и одновременно радостно, как с тобой. Никогда я ни в кого так не верила, как в тебя, никогда так не боялась потерять, чтобы до слёз, до дрожи, до изнеможения, никому никогда я не готова была простить и позволить столь многое, как тебе, не защища-

ясь, не споря, не обесценивая, принимая как данность даже то, что причиняет такую боль, что исчезаешь, рассыпаешься миллионом разноцветных стёклышек из калейдоскопа. Даже тогда, когда тебя не было со мной, я продолжала жадно дышать каждым миготом воспоминаний, тобой подаренных, словно в кислородную маску, равнодушно брошенную мне стюардессой-судьбой в салоне охваченного огнём самолёта моей жизни, и, наверное, лишь благодаря этому всё ещё жива, хоть и не знаю, правда не знаю зачем. А сейчас, когда ты вернулась, я больше не воин в начищенных до блеска доспехах, ведущий вечную битву с собственной внутренней пустотой, не приграничная собака, ревностно оберегающая то, что не имеет ровным счётом никакого смысла, если рассуждать здраво, я просто трава на твоём пути, и, чёрт побери, мне это нравится! Видит Бог, я представить не могла, что у меня будет к кому-то то, что есть к тебе, но чувству суждено было родиться, значит, так и было нужно.

Я расту травой на твоём пути, и больше всего на свете мне хочется быть для тебя целебным подорожником, урожайным картофелем или хотя бы милым забавным васильком, радующим глаз и поднимающим настроение. Приносить пользу несмотря на то, что тебя окружают великолепные экзотические цветы, среди которых так легко потеряться, особенно если на самом деле являешься бесполезной лебедой, а то и ядовитой мандрагорой. Ты так дорога мне, столько мно-

го для меня значишь, что я не могу дать себе права просто стоять беззащитным городом, раскинуть в стороны руки и с улыбкой принимать твой свет, твоё тепло, твоё присутствие, внимание, время, не могу дать себе права зацепиться за тебя, чтобы выбраться из породившего меня чёрного топкого болота, пока не буду способна дать что-то взамен, уравновесить, обосновать... Этот дисбаланс принятия и отдачи убивает меня изнутри, и я поклялась вырасти несмотря ни на что, преодолеть все преграды и однажды встать рядом как равная.

Всему своё время. Сколько ни тяни маленький зелёный росток за верхушку, покорно клонящуюся к земле под жестокими порывами ледяного ветра, он не станет могучим деревом быстрее, чем предначертано природой. Так и я позволяю себе не спешить, позволяю себе просто быть с тобой, просто верить в тебя, просто любить. Честно и мужественно искоренять собственные пороки, давать решительный пинок под зад своим страхам и сомнениям, снова и снова перечитывать твои слова, думать, чувствовать, совершать ошибки и открытия, тянуться к солнцу, но не пытаться опередить его. Небом обречённых не спасти, порождённому непроглядной чернотой не озарить мир золотистым сиянием, и всё же я буду жить, пока жива ты, чего бы мне это ни стоило. Ради тебя, мой светлый человек, моя святая Аннушка Нижегородская.

Вечно твой, Добби

Диана Котик,

песня «На твоём пути»

Озеро

Когда я была маленькая, то, засыпая, всегда попадала в одно и то же место. Это было небольшое озеро с кристально чистой водой, окружённое высокими скалами, похожими на острые клыки какого-то диковинного зверя. Весь его берег был усыпан золотисто-белым песком, а на небе, несмотря на то, что в реальном мире царствовала ночь, всегда ярко горел огненный диск солнца. И больше там ничего не было – ни облаков, ни птиц, ни животных, ни даже травы. Только вода, песок, небо и скалы. И я.

Каждую ночь я приходила туда во сне, садилась на берегу и пальцем выводила на песке какие-то странные символы. Сейчас я уже даже не помню, что именно тогда рисовала. Наверное, что-нибудь столь же прекрасное, как и весь мой солнечный мир. Что-нибудь столь же чистое и открытое. Что-нибудь столь же доброе...

Иногда, когда становилось слишком жарко, я прямо в одежде – лёгком белом платице – забегала в воду и долго плескалась в ней, пользуясь отсутствием каких-либо запретов. Дно озера было гладким и ровным, по форме напоминало чашу, и, устав, я с удовольствием ложилась на него, задерживая дыхание и глядя сквозь хрустальную поверхность

воды на необычно яркое солнце. Это были, пожалуй, самые сказочные минуты моей жизни. Маленькая сказка для маленького ребёнка. Маленький сверкающий рай.

Но через несколько лет я начала замечать, что над моим озером всё чаще начинают появляться большие серые тучи, застилающие небо и закрывающие солнце. Воздух вокруг становился всё холоднее, а песок из золотисто-белого превращался в серый и безжизненный. Только скалы, отделяющие этот маленький кусочек вселенной от внешнего мира, оставались прежними. Острые и неприступные, они продолжали стоять на страже моего сна.

Однако и сами сны с возрастом изменились. Я уже больше не рисовала на песке символы и не заходила в озеро, вода в котором помутнела и покрылась пока ещё тонкой корочкой льда. Озеро... в нём уже не было видно дна – лишь моё отражение, бледное и испуганное. А ещё сквозь серые тучи на когда-то ясном небе начали проступать звёзды – мои несбыточные надежды и мечты. Раньше, когда я была ребёнком, у меня их не было. Мне хватало того, что есть. Я жила одним днём и была счастлива. Но теперь мелочные желания окружили меня, сделав уязвимой и хрупкой. Я просила большего и тем самым расшатывала свой мир.

Серая замёрзшая вода. Серый песок. Серое небо с туск-

лыми звёздами. Серые скалы с острыми вершинами. Всё стало безжизненным и холодным. Мой рай превратился в ночной кошмар. Теперь перед сном я пила валерьянку, стараясь заглушить странный леденящий душу страх и боясь вновь увидеть свой изуродованный мир. Наверное, так происходит со всеми людьми. Когда мы становимся старше, то сами мешаем себе быть счастливыми. Мы выстраиваем перед собой незримые барьеры и преграды, создаём пропасти. Мы убеждаем себя, что всё идёт хорошо, что так и должно быть. Мы перестаём жить настоящим, грезя о своих желаниях. Мы перестаём быть детьми...

Я хорошо помню, как умерла. Просто однажды, вновь оказавшись у озера, сказала, что больше не хочу жить. Я посмотрела на небо и загадала последнее, самое горячее желание – стать полностью свободной. И тогда от серых туч оторвалась маленькая яркая звёздочка, пролетевшая прямо передо мной. Пробив лёд, она упала в озеро – в самую его середину.

И мир вновь стал таким, каким был в моём детстве. Вода вновь была прозрачной, небо – голубым, песок – золотисто-белым. А в серых скалах внезапно появился маленький проход, ведущий куда-то в неизвестность. И я – маленькая девочка в белом платье – пошла по нему, не в силах сдержать улыбку. Я знала, что больше уже не проснусь. И я снова

была свободна.

*Светлана Сафроненкова,
песня «Озеро»*

Не забуду

Сумрачное марево, плотным коконом окутавшее долину, сгущалось всё сильнее. Дни и ночи сливались воедино, а за мутной пеленой облаков нельзя было различить даже очертаний луны или солнца, но я упрямо продолжала свой путь. Одни говорят, эта дорога ведёт в самую Преисподнюю, другие, что в Рай. Но в одном они сходятся: это единственный шанс на спасение. На самом деле не так уж и важно, что будет ждать меня за Последней Дверью. Ведь лишь те, кто смог пройти свой путь до конца, смогут сохранить себя. Для кого-то эта дорога станет концом, а для кого-то – новым началом.

Я видела лишь одну сторону медали. Встречные вереницы людей, чьи искажённые болью лица говорили о многом. Утратившие в дороге нечто действительно ценное, искатели предпочли отдаться забвению, постепенно проглатывающему наш мир. Оно смывало воспоминания, заставляло краски блёкнуть и, наверное, делало людей по-своему счастливыми, избавляя их от боли.

Но плата за него была слишком высока: забвение стирало все воспоминания, обращая человека в ничто. Каждый раз, завидев встречных путников, я втайне боялась увидеть среди

них знакомые лица. Боялась увидеть кого-то близкого, для которого стала безликим призраком, навечно стёртым из памяти. Но я точно знала, что не встречу среди них человека, которого пообещала не забыть. Тебя.

Услышав за спиной знакомый звон колокольчика, я остановилась и, вытянув левую руку в плотной кожаной перчатке, свистнула позывной. Мой сокол, вынырнув откуда-то из темноты, приземлился и с тихим шорохом сложил крылья.

– Я знала, что ты вернёшься, Хват. Ты всегда возвращаешься.

Хват – твой драгоценный дар и мой верный спутник. Помню, получив подарок, я первым делом вызволила сокола из садка и избавила от кlobука. Ты рассердился, сказав, что я порчу птицу. Возможно, тогда я потеряла лучшего охотника, но приобрела лучшего друга, за которого очень тебе благодарна.

Когда мы с тобой вместе отправились в путь, с нами были лишь верные гончие псы и Хват. Нас ожидало множество испытаний и соблазнов, но, однажды ступив на свой путь, нельзя сворачивать. Следуя своей судьбе, мы неизбежно что-либо теряли. Ты отказался от должности королевского сокольничего и своих любимых ловчих птиц, а я – от выгодного замужества и несметных богатств. Но это не имело значе-

ния для того, кто ещё не забыл свою суть. Мы намеревались пройти вместе до самого конца, но дорога решила иначе.

Сумрак сгущался над нами всё больше. Сначала казалось, что всё в порядке. Но люди встречались на нашем пути всё реже и выглядели всё более отрешёнными. В поисках дичи мы стали чаще сворачивать с дороги и были за это наказаны: обе наши собаки навечно заснули в болотной топи. Один лишь Хват оставался с нами. Мы чувствовали себя всё более и более беззащитными, оставшись на голодной чужой земле без наших верных помощников, но главное испытание ждало нас впереди.

В какой-то момент колея разделилась надвое, уводя нас друг от друга двумя узкими тропами. Это тоже было частью нашего с тобой испытания. Мы должны были пойти каждый своей дорогой, чтобы шагнуть за рубеж. Мы не хотели расставаться, но всё же вынуждены были проститься. Ты свернул налево, а мы со Хватом отправились направо. С тех пор мы не виделись, но я не оставляла надежды встретить тебя снова, как молитву повторяя свои прощальные слова: «Я никогда тебя не забуду».

Крик Хвата вернул меня к реальности. Порывшись в сумке, я достала небольшой кусочек мяса и предложила его соколу. Гордая птица, привыкшая сама добывать свою пищу,

ела с рук неохотно. В очередной раз Хват вернулся с охоты с пустым клювом, но я не могу его в этом винить: люди в спешке покинули эти места, бросая обжитые дома и пытаясь спастись от надвигающейся тьмы, а звери ушли тайными тропами ещё раньше. Кроме того, сумерки почти лишили нас зрения. За сотню миль до этих пустынных земель я пыталась спасти Хвата от голода, бесчисленное множество раз освобождая его от пут и отпускаю в небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.